

9. Сорокин Ю.А. Текст, цельность, связность, эмотивность // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982.

10. Тодоров Ц. Теории символа. М. : Дом интеллекта. книги, 1999.

11. Тургенев И.С. Рудин. Дворянское гнездо. Накануне: Романы. М. : Дрофа, 2003.

12. Улицкая Л. Медея и ее дети. М.: Эксмо, 2007.

13. Шевченко Н.В. Основы лингвистики текста : учеб. пособие. М. : Приор-издат, 2003.

*Syntagmatic aspect of a fiction text
(on the basis of the classical
and the modern Russian fiction)*

Studying the dynamics of a Russian fiction text's syntagmas on the basis of the novels of the XIX century and a modern Russian fiction text allows concluding that a classic Russian fiction prosaic text is constructed as a line; a modern Russian fiction text uses thematic repetition as the main type of the text-forming connection.

Key words: *fiction text, category of sequence, syntagmatic relations, dynamics of a Russian fiction text's syntagmas, thematic repetition.*

М.А. ПЧЕЛИНЦЕВА
(Камышин)

**ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ
КОМИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-
ЭМИГРАНТОВ**

Выявляются две формы выражения комической рефлексии русских писателей-эмигрантов первой волны. Описываются наиболее характерные приемы иронии и языковой игры как средство выражения критической оценки советского языка и революционной действительности.

Ключевые слова: *ирония, русское зарубежье, языковая игра, языковая рефлексия.*

Материалом нашего исследования послужили тексты русских писателей-эмигрантов первой волны, в которых содержится оценка Октябрьской революции и новой советской действительности. Эмигрантская словесность того времени представляет важную часть единой русской культуры и вместе с тем

богатейший источник для изучения оценки революции. Немаловажным является то, что писатели-эмигранты были свободны в выражении своей оценки в отличие от представителей культуры, живших в Советской России. Это дает возможность воссоздать другой (противоположный внутрисоветскому) ценностный полюс восприятия революции и советской действительности.

Как представители старой элитарной культуры эмигранты критиковали новый язык. Он наряду с другими явлениями советской действительности получил в эмигрантских текстах вербальную оценку. Однако основной формой выражения критического отношения к языку является рефлексия. В современной лингвистике языковая рефлексия определяется как оценочное отношение говорящего/пишущего к языку [4; 11; 16; 21; 22]. В этой статье речь пойдет о комической рефлексии, целью которой является порождение комического эффекта.

Комическая рефлексия писателей-эмигрантов реализуется в формах иронии и языковой игры. Рассмотрим их. Ирония – один из видов языковой манипуляции, которая заключается в употреблении слова, выражения или целого высказывания в смысле, противоречащем буквальному (чаще всего в противоположном) с целью насмешки [7, с. 7]. В текстах писателей-эмигрантов представлены разнообразные иронические приемы. Широко используется прием, основанный на ироническом употреблении оценочных слов (положительных и отрицательных). Положительная оценка позволяет выразить сомнение в соответствии лица его профессии или занимаемой должности: *В русской литературе теперь только «гении». Изумительный урожай! Гений Брюсов, гений Горький, гений Игорь Северянин, Блок, Белый* [3, с. 63]; *Во главе стояли люди, не имевшие к литературе ни вкуса, ни интереса. Сначала Светлов, известный «зна-ток» балета. Потом некто «Эйзен», очень корректный и благовоспитанный господин, но искусству вполне посторонний* [9, с. 242]. Кавычки являются своеобразной подсказкой для читателя, указывают, что данное слово требует дополнительного осмысления. Слова с негативной оценкой используются для обозначения «врагов» советской власти: *Кузина села за рояль, начались танцы. Приехали еще два недорезанных помещика* [8, с. 426]; *Уйдет в станционную мужскую комнату темная лич-*

ность с чемоданчиком, а выходит из мужской комнаты совершенно ясная личность – адвокат, помещик, гидра контрреволюции, с гладко причесанной головой в чистом воротничке, несет рукой в перчатке тот же чемоданчик [19, с. 306].

Нашел отражение в эмигрантских текстах прием, который можно назвать «абсурд под видом нормы». Он основан на специфической модели сложноподчиненного предложения, в главной части которого находятся конструкции типа *доказано, что...*, *обнаружено, что...*, *вынесена резолюция, что...*, а в придаточных изъяснительных содержатся нелепые утверждения: *Слухи о том, будто тов. Троцкий, обернувшись курицей, выдаивает по ночам молоко у советских коров (совкор), конечно, оказались вздорными. Коммунистической наукой давно доказано, что обращаться курицей могут только вредные элементы из гидры реакции* [10, с. 204]; *Так вот, на Пасху в Москве у Гужона – рельсопрокатный завод – устроили собрание с антирелигиозными целями от какой-то безбожной ячейки. А выступал докладчиком сам нарком А.В. Луначарский. И по окончании речи (часа два) выносятся единогласно через поднятие рук резолюция, что ни Бога, ни Светло-Христову Воскресенья нет и быть не может, пережиток* [14, с. 228].

Писатели активно пользуются приемом иронической маски. Поскольку ирония – это мистификация, притворство, иронизирующий, как правило, временно надевает на себя маску (сочувствующего, наивного и доверчивого, восторженного, подлого или самоуверенного человека): *Бедная советская власть! Не только тюрьмы, не только водка, литература, табак, бюрократия и канализация – даже ребусы были в дооктябрьские времена лучше и не носили на себе такого угрюмо каторжного клейма «нового мира»* [20, с. 351]; *В комнате тихо (нынче что-то мало стреляют), мирно горит покрытая голубым колпачком лампа над головой. Спасибо рабочим электрической станции, дай им Бог доброго здоровья за то, что они освещают мне страницы Диккенса* [1, с. 227].

Ирония часто бывает основана на приеме преуменьшения явно отрицательной характеристики: *В сельской школе Блюхер «проучился всего полтора месяца». Для полководца маловато, но ничего не поделаешь* [6, с. 173]. Иронический эффект достигается в результате совмещения газетной фразеологии с разговорно-

бытовым контекстом: *Зал Таврического двorca напоминал камеру уголовной тюрьмы. Дворец был заполнен революционным народом: густо висела площадная матерная брань; по залам ходили пьяные матросы и солдаты в заломленных набекрень папахах, лузгали, поплеывая, семечки. Революционный народ был нетрезв* (Там же, с. 53). Ироническую функцию выполняют своеобразные конструкции с приложениями, в которых определяемые и определяющие – это разнополюсные оценки: *Рядом со мной стоял и ел редьку один из тех, что «крепко держит в мозолистых руках красное знамя всемирной коммунистической революции», мужик из-под Одессы* [3, с. 89].

Другой формой выражения комической рефлексии является языковая игра, в основе которой лежит стремление достичь определенного эффекта (чаще всего комического) путем нарушения нормативного канона восприятия языковых единиц, творческого (нестандартного) использования языковых средств. По мнению В.З. Санникова, всякое намеренное необычное использование языка – это языковая игра [17].

В текстах писателей русского зарубежья языковая игра представлена большим разнообразием приемов. Особо можно выделить словообразовательную игру, высмеивающую новый способ образования слов, характерный для революционного языка, – аббревиацию. Эмигранты пародируют аббревиацию и создают множество окказионализмов, используя разные модели сокращения:

1) аббревиатуры, состоящие из сочетания начальной части слова с целым словом: *сов-* (советский) – *совкартина, совлибретто; пролет-* (пролетарский) – *пролетгений, пролеткритик; ком-* (коммунистический) – *коммозг, компечень, комсердце, комдуховный, комкитайский; мир-* (мировой) – *мирслава; комсомол-* (комсомольский) – *комсомолсын; агит-* (агитационный) – *агитмакулатура, агитмакулатуричик; пол-* (полный) – *полсобрание; крас-* (красный) – *краснаука; люб-* (любовный) – *любответ;*

2) аббревиатуры, состоящие из сочетания начальных частей слов, т. н. слоговые [15, с. 9]: *пролетпис ← пролетарский писатель; совкор ← советская корова* и др.;

3) аббревиатуры «инициального» типа, состоящие из начальных звуков исходного словосочетания: *«Чик» – придуманное им сокращение. Теперь мода на сокращения. Надо идти в ногу с веком, серьезно объясняет он не-*

доумевающим. «*Честь имею кланяться*» [12, с. 100].

Звуковой облик слова обыгрывается с помощью замены (пропуска, добавления) букв: ... *после унижительных выборов в Учредительное собрание, – под пулями и штыками Хамодержавия происходили эти выборы! – после всех «декретов» вполне сумасшедших, и сверхбезумного о разгоне Городской Думы «как оплота контрреволюции» – что еще описывать?* [5, с. 10]. Здесь происходит замена буквы «с» на «х» в слове *самодержавие*, в результате чего мотивирующим становится бранное слово с пейоративной оценкой – *хам* «грубый, наглый человек» [13, с. 859].

Интересным является прием «включения» [18, с. 166], когда в середину базового слова вклиниваются элементы другого слова, имеющего, как правило, отрицательную окраску. Так из существительного *Интернационал* и глагола *вонять* образовалось грубо окрашенное слово *Интернацивонял*: *В том-то и дело, что мы тоскуем по России, а не по СССР, по русским степям, а не по большевистской чеке, по русским песням, а не по «интернацивонялу», как выговаривают некоторые малограмотные «товарищи»* [2, с. 695].

В текстах эмигрантов широко используется обыгрывание устойчивых единиц нового языка – замена одних элементов другими (или добавление элементов) в составе устойчивого словосочетания, фразеологизма или известного лозунга [18, с. 297]: *Совет рабочих и крестьянских депутатов* → *Совет собачьих депутатов*; *пролетарии всех стран, соединяйтесь* → *палачи всех стран, соединяйтесь*; *шагать в ногу со временем* → *шагнуть в ногу с революцией (пролетариатом)*; *день прошел и слава Богу* → *день прошел – и слава Интернационалу*; *тысяча и одна ночь* → *тысяча и одна голодная ночь*; *оказаться у разбитого корыта* → *очнуться у разбитого корыта революции*.

Следующий прием основан на нарушении правил сочетаемости того или иного конкретного определения с определяемым существительным: *сундук пролетарского происхождения, советская корова, профессиональный союз грудных поэтов, начинающий гений, начинающий плагиатор, коммунистический грудной младенец, чистосердечные пинки, несоветское выражение глаз, щедро расстреливать, литературный бур-*

жуй. Например, пролетарское происхождение свойственно человеку (происхождение – «принадлежность по рождению к какой-н. нации, классу, сословию» [13, с. 611]), но не сундуку. Советской (т.е. «относящейся к государственной власти Советов, свойственной, принадлежащей СССР» (Там же, с. 741)) может быть власть (наука, промышленность), но никак не корова. Чистосердечным («искренним, откровенным» (Там же, с. 886)) может быть признание, но никак не пинок («толчок ногой, коленом» (Там же, с. 518)). Выражение глаз может быть веселым или грустным, но не советским (см. выше значение прилагательного *советский*). Глаза не могут выражать принадлежность к советской власти.

Одним из способов языковой игры является имитация, при которой слово воспринимается как сигнал пародирования стиля и манеры речи. Подобных примеров зафиксировано немного, все они имитируют речь «вождя революции»: *А люди, когда «всю, всю, всю» торговлю уничтожили и явственно увидели, что «всем, всем, всем» придется подохнуть, тогда Великий Ленин «нэпнул» гениальные слова «учитесь торговать!»* [10, с. 220] (ср. с высказыванием Ленина «Учиться, учиться и учиться!»).

Таким образом, комическая рефлексия писателей-эмигрантов находит выражение в формах иронии и языковой игры, которые являются проявлением критической оценки формирующейся советской действительности и нового языка. Откровенно негативная оценка в сочетании с талантливими и изобретательными формами ее выражения создают ощущение полного неприятия нового строя и новой идеологии, воцарившихся в России.

Литература

1. Аверченко А.Т. Трава, примятая сапогом. М.: Дружба народов, 1991.
2. Арцыбашев М.П. Наш третий клад. М.: Школа-Пресс, 1996.
3. Бунин И.А. Окаянные дни. М.: Современник, 1991.
4. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
5. Гиппиус З.Н. Дневники: в 2 кн. М.: НПК «Интелвак», 1999. Кн. 1.
6. Гуль Р.Б. Красные маршалы: Тухачевский, Ворошилов, Блюхер, Котовский. М.: Мол. гвардия, 1990.

7. Ермакова, О.П. Ирония и ее роль в жизни языка / О.П. Ермакова. Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005.

8. Зайцев Б.К. Земная печаль: в 6 кн. Л.: Лен-издат, 1990.

9. Иванов Г.В. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3: Мемуары. Литературная критика. М.: Согласие, 1994.

10. Литература русского зарубежья: антология: в 6 т. М.: Книга, 1990.

11. Николина Н.А. Слово как предмет изображения и оценки в прозе И.А. Гончарова // Рус. яз. в школе. 1997. № 3. С. 59–66.

12. Одоевцева И.В. На берегах Невы: Литературные мемуары. М.: Худож. лит., 1989.

13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997.

14. Ремизов А.М. Москва Алексея Ремизова. М.: Кстат, 1996.

15. Русский язык: энцикл. / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Большая рос. энцикл., 2003.

16. Санджи-Гаряева З.С. Языковая рефлексия у Ю. Трифонова // Вопр. лингвистики: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 28: Антропоцентрические исследования. Саратов, 1999.

17. Санников В.З. Об истории и современном состоянии русской языковой игры // Вопр. языкознания. 2005. № 4. С. 3–20.

18. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Яз. рус. культуры, 1999.

19. Тэффи Н.А. Житье-бытье. М.: Политиздат, 1991.

20. Черный С. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Эллис Лак, 1996. Т. 3.

21. Шварцкопф Б.С. Изучение оценок речи как метод исследования в области культуры речи // Культура речи и эффективность общения. М., 1996.

22. Шмелева Т.В. Вторичные речевые жанры. Языковая рефлексия // Речевое общение (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения): спец. вестн. КрасГУ. Вып. 1(8). Красноярск, 1999. С. 107–110.

Forms of expressing comic reflection of Russian writers-emigrants

There are revealed two forms of comic reflection expressing by the Russian writers-emigrants of the first wave. There are described the most characteristic methods of irony and language play as the means of expressing critical assessment of the Soviet language and revolutionary reality.

Key words: *irony, the Russian abroad, language play, language reflection.*

Н.С. КОТЯЕВА
(Санкт-Петербург)

ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА КАК КОМПОНЕНТ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В РУССКОЙ КОМЕДИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Исследована иноязычная лексика как компонент драматургического диалога XVIII в.: выявляется ее способность выполнять функции конструктивно-семантической связи реплик, участвовать в создании различных композиционных типов диалога, раскрывать специфику комедийного образа персонажа, черты идиостиля автора. Анализу подвергаются семантические преобразования иноязычных слов, а также их стилистические функции в структуре диалогического единства.

Ключевые слова: *иноязычная лексика, русская комедия XVIII века, драматургический диалог, система реплицирования, средства связи.*

Вопрос о заимствованиях в русском литературном языке XIX – XX вв. является одним из наиболее актуальных в современной лингвистике [4; 7; 9; 10], в то время как XVIII в. продолжает оставаться недостаточно исследованным. Изучая шедевры русской комедиографии XVIII в. в аспекте лексических заимствований, поражаешься, что внимание к этим поистине бессмертным творениям неоправданно ослабело. И нельзя не согласиться со справедливым утверждением А. Зорина в статье «Забытая словесность памятного века», что «...литература XVIII века сейчас находится в мертвой зоне читательского внимания» [3, с. 5]. Между тем, язык комедий второй половины XVIII в. (так называемой новой русской комедии) дает нам достаточно четкое представление о реальной языковой ситуации в России, о становлении и совершенствовании норм русского языка, активном пополнении и обогащении словарного состава иноязычной лексикой.

На материале комедий В.В. Капниста, Я.Б. Княжнина, Д.И. Фонвизина, И.А. Крылова, М.А. Матинского, Н.П. Николева и Н.Р. Судовщикова мы попытались выявить особенности функционирования иноязычных слов как компонентов драматургического диалога: их роль в создании конструктивно-семантического единства пьесы, разнообразные способы и приемы включения в общую